

Да, известная повесть Василия Белова «Привычное дело» увидела свет ровно 25 лет назад. Ее решился опубликовать журнал «Север». Кажется, из соображений конспирации повести был дан подзаголовок — «Из прошлого одной семьи». Мол, это прошлое, а теперь-то мы лучше живем. Да и семья-то взята одна, автор не претендует на обобщения...

Интересно, что подобным «прикрытием» однажды воспользовался и Николай Рубцов. Он тоже как бы отнес действие своего стихотворения в прошлое, назвав его — «Воспоминание о весне 1954 года». Там есть такие строки:

Старухек наших гнет
в дугу,
А все без жалобы
унылой
С какой-то дьявольской
силой
Габлями машут на лугу...

Повести Белова очень близки и многие другие стихи Рубцова. У поэта тоже речь идет о делах привычных:

...В хлеву знакомо
Хрустит солома
И огонек светит...

И горькая усмешка тоже совсем как у Белова — «Эх! Козыри свежи. А дураки те же». Иванушки-дурачки... Не случаен и выбор имени для главного героя «Привычного дела» — Иван Африканович. Обстоятельства, гнет властей хотя навечно сделать его Ивашкой, но он прорывается через все к высокому духовному единению с природой, с миром...

Юбилей повести — повод поразмышлять сегодня о творчестве Василия Белова, о тех явлениях культуры, которые как-то соприкасаются с ним. Короткие записки, сделанные в разное время, я не буду связывать в единое целое, пусть они останутся отрывочными...

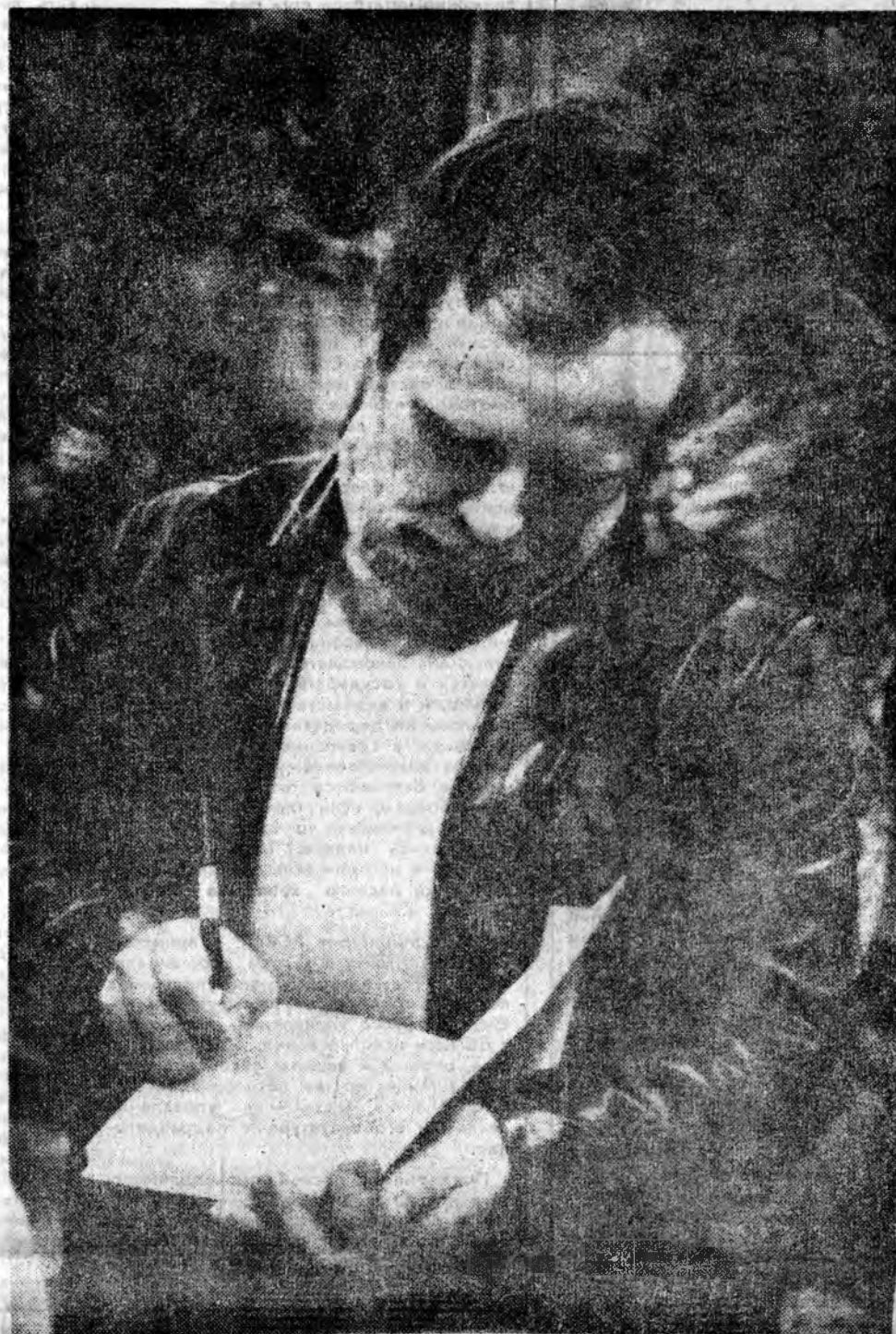
«...Студенты, школьники, старики, — вспоминал Федор Абрамов 66-й год, — все бегали по библиотекам, по читальням, все охотились за номером малоизвестного дотеле журнала «Север» с повестью еще менее известного автора, а раздобыв, читали в очередь, а то и скопом, днем, ночью, — без передыху. А сколько было разговоров, восторгов в те месяцы! Покойный Геооргий Радов, встретив меня в Малеевке, в писательском доме, о чем вострубил первым делом?

— Старик, в России новый классик родился!

Было удивительно и другое. «Привычное дело» приняли все: и «либералы», и «консерваторы», и лирики, и «физики», и даже те, кто терпеть не мог деревню ни в литературе, ни в самой жизни...».

Сколько копий сломано во-

ВАСИЛИЙ БЕЛОВ • Фотографирует Н. Чесноков

«НАДО БЫЛО ЖИТЬ...»

круг альманаха «Метрополь!» Но вот послушайте западный голос Наума Коржавина: «В целом же проза «Метрополя» выглядит так, как будто такого серьезного явления, как «деревенская проза», вообще не было. А эта проза есть... эта проза — сущностная...».

Пишу, а по телевизору один из руководителей нашей страны делится своими зарубежными впечатлениями: «там, где люди работают на своей земле, много и хорошо работают, там есть государство,

есть семья, есть жизнь...».

Господи! Это сколько же надо иметь пядей ко лбу, чтобы лишь теперь понять эти простые истины!...

...

Можно сказать, что несколько десятилетий для русских крестьян существовала униженная черта оседлости. Примерно с 1929-го до 60-х годов! Крестьянам не давали паспортов, и они были, как рабы, привязаны к своей «галере»... Это один из важных мотивов

«Привычного дела». А городские демократы все делали вид, что не замечают этой дискриминации... Крестьяне были как крепостные у своих райкомов...

«— Справку давай! На моих глазах лишь справку!! — Иван Африканович почти завизжал на последнем слове. Бешено обвел глазами всех правленцев. И вдруг волчком подскочил к печке, обеими руками сгреб длинную согнутую из железного прута кочергу:

— Ну! — В конторе стало тихо-тихо...».

Александр Яшин умер в 68-м году, он как раз успел прочитать «Привычное дело» и «Звезду полей». Как будто сам Бог дал ему эту радость, ревность и успокоение...

...

Конечно, «Привычное дело» — это прежде всего повесть о прекрасной тайне нашей жизни, о том, что «мир устроен грозно и прекрасно». Но в политическом плане — это, похоже, повесть о предательстве. О том, как «государство» предало своих подданных — крестьян. У тех, кто успел как-то присоединиться к центральным властям, появилась какая-то «городская укрепа», а деревенские жители, как в старые времена, оставались такими же открытыми, непосредственными, душевными, и выжить им было очень трудно в новых условиях. И самое удивительное, что народ наш не озлобился. Да, может, потому еще и жива Россия, что крестьяне тогда не озлобились...

Информация для молодого человека: жена Ивана Африкановича работала почти 20 часов в сутки, без выходных и отпусков. Это была (да и есть!) тяжелая физическая работа. Катерина вставала в третьем часу ночи... Ночью косила с фонарем...

...

«Делать нечего, надо было жить». Жить, на что-то надеяться, хотя нарушилась связь времен и людей.

Маленькая фантазия: в чем разница между XVIII веком и XX? Дороги и телеграф укрепили все отрицательные стороны централизации... И, может быть, главную истину автор «Привычного дела» высказывает устами Пятака:

«Он показал на репродуктор, передавали последние известия.

— С Москвой-то у нас связь хорошая. Москва-то в нашу сторону хорошо говорит. А вот бы еще такую машину придумать, чтобы в обе стороны, чтобы и нас-то в Москву тоже слышно было».

Кажется, теперь такую «машину» жизнь придумала, но с болью, с кровью... О диалоге с народом наши газеты стали робко заикаться только в начале 80-х, а громко заговорили после 85-го. Но и по сей день почти вся идеология доказывается в провинцию из центров, а не наоборот: газеты, журналы, теле- и радио-программы, книги, учебники, частично законы, моды, кино, даже табак и крепкие напитки...

Но нельзя же на такой угрюмой ноте заканчивать эти заметки об одной из лучших книг нашего времени. А посему:

Под окошком плачет
нищий —
Подала советской тыщей —
Кинул тыщу на песок —
Просит хлебушка кусок.

Вячеслав БЕЛКОВ.